

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Елена Романенко

МОСКВА

ЖИЗНЬ

РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАСТЫРЯ

УДК [947+957]
ББК 63.3(2)4
Р 69

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

*Автор и издательство выражают благодарность
Переславль-Залесскому государственному
историко-архитектурному и художественному
музею-заповеднику и игумену Игнатию (Молчанову),
настоятелю Павло-Обнорского монастыря.*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

знак информационной 16+
продукции

ISBN 978-5-235-04419-7

© Романенко Е. В., 2021
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2021

Что больше всего удивляет, когда смотришь на уцелевшие ансамбли русских средневековых монастырей? Наверное, контраст архитектурных пропорций. Монастырь прочно уходит своими корнями в землю, а его дух, зримо воплощенный в архитектуре башен, храмов и колоколни, возносится в Небо. Монастырь соединяет собой два Отечества каждого человека: земное и Небесное.

Красота наших обителей напоминает о давно утраченной гармонии. Мир средневекового русского монастыря был уничтожен еще в XVIII веке последовательно проведенными реформами. Указы Петра I запрещали постригать в монахи всех, кроме инвалидов и престарелых. Нарушивших этот запрет насильно расстригали и отправляли в солдаты. Монастыри обезлюдели, была прервана живая традиция духовной преемственности разных поколений. Указ о штатах 1764 года императрицы Екатерины II разделил все обители на три категории (штата), согласно которым они получали государственное жалованье. Монастырские же земли были конфискованы. Часть монастырей вывели за штат, они должны были изыскивать средства к существованию сами, не имея земли. Остальные обители (больше половины от прежнего числа) ликвидировали вовсе. Историкам еще предстоит оценить духовно-нравственные последствия этих реформ. Тогда Россия потеряла одну из своих опор, и, наверное, важнейшую, ибо монастыри всегда были,

по выражению святителя Филарета (Дроздова), столпом Православной веры. XX век довершил «реформы» поруганием святости. До наших дней, да и то кое-где, сохранились только стены былых обителей. Но какая жизнь протекала несколько веков назад внутри этих стен, что составляло душу и содержание этого видимого образа, мы почти не знаем.

Арсений Великий, поистине великий подвижник египетской пустыни, говорил, что душу человека сохраняет безмолвие. Настоящий монах как зеницу ока всегда хранил свой внутренний мир от постороннего любопытства и ненужного общения. Монастыри так же свято берегли свою тайну. Христианский закон странноприимства заставлял обители открывать свои ворота для голодного и страждущего мира. Но это было вынужденной уступкой, жертвой во имя любви к ближнему. Общение с миром, как правило, нарушало безмолвие, привносило суету и искушения в монастырскую жизнь. Поэтому монастырь, откликаясь на прошения и мольбы мира, все-таки всегда старался сохранить спасительную дистанцию. Странноприимницы и больницы устраивали обычно за монастырскими стенами, женщины и вовсе не допускались во многие обители. Старцы учили молодых монахов никогда не выносить сор из избы — не обсуждать с мирскими людьми монастырские дела и неустройства.

Намеренная отгороженность монастыря от мира делает его тайной за семью печатями, тем более если речь идет о средневековой обители, отстоящей от нас во времени на пять-шесть веков. Но существуют узкие щелевидные окна в стене между миром и монастырем. Это жития святых. Они позволяют нам не только рассмотреть повседневную жизнь обители, но и пропускают через толщу времен тот яркий духовный свет, который излучали первые «начальники» русских монастырей.

Жития — сложный источник. Перед любым исследователем, который принимается за их изучение, неизбежно встает вопрос достоверности сообщаемых агиографом сведений. Долгие годы в исторической литературе господствовало довольно скептическое отношение к житиям. Тон задал историк В. О. Ключевский, который был замечательным знатоком русской исто-

рии и агиографии. Но в данном случае его высокий авторитет в научном мире сыграл злую шутку. По сути, он вынес отрицательный приговор древнерусским житиям как историческому источнику. Исследователи в один голос заговорили, что почти все жития повторяют друг друга, ибо написаны в рамках жесткого канона, наполнены вымыслом, несуразностями и историческими ошибками.

И. Яхонтов, пересказывая потрясающие в своей реальности подробности из житий северных русских подвижников, тем не менее также вынес им отрицательный вердикт. Невысоко оценивал жития и Н. И. Серебрянский, автор замечательного исследования по истории псковского монашества. Однако самые вдохновенные страницы своего сочинения он написал на основе Жития святого Евфросина Псковского, а через несколько лет после выхода работы в свет издал и само Житие.

Но большинство житийных текстов до сих пор остаются неизданными. Некоторые из них, известные в единственном списке во времена В. О. Ключевского или неутомимого собирателя древнерусской житийной литературы Е. Е. Барсова, ныне утрачены, хотя, возможно, их когда-нибудь найдут на полках хранилищ. К счастью, современная наука осознала многолетнее заблуждение своих предшественников. Сейчас жития святых вновь стали интересны для исследователей. Следствием чего и стала эта книга — результат многолетней работы автора по изучению русской агиографии.

Для исследования повседневной жизни русских монахов мы намеренно выбирали простые «безыскусные» жития северных подвижников. И вот почему. Жития, составленные известными агиографами, написаны великолепным языком и прекрасно композиционно выстроены. Но они имеют один существенный недостаток для историка повседневности. Их авторы, как правило, хорошо знали житийную традицию и щедро украшали свои произведения сравнениями, а то и прямыми вставками из творений своих предшественников. Поэтому реальность порой бывает трудно отличить в них от прямого следования агиографическому канону. Жития, написанные скромными монастырскими писателями, наоборот, не так захватывают красотой слога и

глубиной рассуждений о смысле бытия. Их авторы одинаково буднично описывают и чудо, и простые реалии повседневной жизни, иной раз даже переступая границы дозволенного канонам. Их горизонт не простирается дальше стен их родной обители. Но это как раз то, что нам нужно.

Помимо драгоценных исторических свидетельств в житиях есть все, что мы так ценим в произведениях больших мастеров. Агиографы умели показать переплетение трагического и комического в человеческой жизни, столкновение героического, благородного характера с алчностью и подлостью. В житиях можно найти тонкий юмор и прекрасные пейзажные зарисовки. Но уникальное отличие жития от литературного произведения состоит в том, что любое житие несет на себе печать подлинности, а самая великая литература — это всегда вымысел.

Перечитывая жития, не перестаешь удивляться, как можно было не замечать восхитительной красоты, искренности, а главное — исторической реальности этих текстов. Видимо, стереотипы и дух времени иногда оказываются сильнее, нежели научное знание и интуиция.

В житиях действительно нередко встречаются ошибки и противоречия, но их трудно поставить в вину агиографам. Ведь порой они писали через много лет или столетий после преставления тех, о чьей жизни старались рассказать потомкам. Им приходилось сводить воедино отрывочные рассказы, передававшиеся в монастырях из уст в уста. Но нам дороги и эти, не всегда исчерпывающие повести, ибо «мертвая история пишет, а живая говорит».

Помимо житий для описания повседневной жизни русских монастырей были привлечены разнообразные документы из монастырских архивов: приходо-расходные книги и описи имущества. Бесценным источником являются также монастырские обиходники, в которых описан обиход (то есть обычная жизнь) обители. В келарских обиходниках мы находим подробные указания о трапезе на каждый день года, а в богослужебных обиходниках — порядок богослужения каждой праздничной службы. В своей работе мы использовали обиходники Кирилло-Белозерского, Иосифо-Воло-

коламского, Троице-Сергиева, Антониево-Сийского, Нило-Сорского монастырей. Картину дополнили монастырские грамоты и акты. Случалось и так, что текст официальной грамоты подтверждался каким-нибудь «чудом» из текста жития. В книге мы еще будем говорить об этих счастливых совпадениях.

Конечно, нельзя объять необъятного. На Руси были тысячи монастырей: больших и малых, великих и затерянных в лесной глуши. Безбрежное море документов встает перед исследователем этой темы. Но выборочный срез отдельных фактов — это тоже достоверный метод исследования, ибо они — составные элементы общей картины. Главные герои нашей книги — монахи общежительных монастырей, ибо именно эти обитатели, по словам святителя Филарета (Дроздова), составляли и составляют «столп монашества». Мы надеемся, что после этой книги далекий и малознакомый мир русского средневекового монастыря станет ближе и понятнее читателю, как ближе и понятнее он стал автору книги.

И в завершение — несколько замечаний о принципах изложения. Некоторые сложные и пространственные цитаты из древнерусских текстов даны в переводе на современный русский язык, чтобы облегчить их понимание. Все даты церковных праздников даны по старому стилю.

«МЕСТО СИЕ ЗЕЛО КРАСНО...»

Место для монастыря, как говорят жития, выбиралось не сразу и не вдруг. Подвижники долго ходили по лесам и болотам, пока, наконец, не обрели ту спасительную пустынь, где успокаивалась их душа. Часто выбор места сопровождался чудесными предзнаменованиями. Кто-нибудь из местных жителей или сами монахи слышали колокольный звон или ангельское пение на пустынной лесной поляне, а иногда необычный свет неведомо по каким причинам озарял небо над лесом. Особая Богоизбранность места, где был поставлен монастырь, сохранялась за ним навсегда. Видимо, поэтому люди, приезжая ныне в разоренные, а иногда и разрушенные до основания обители, продолжают чувствовать здесь особую благодать.

Преподобный Арсений Комельский тайно покинул Троице-Сергиев монастырь, где несколько лет был игуменом, и направил свой путь в вологодские земли. Однажды на берегу реки Кохтыш (в 25 верстах от Вологды) тяжелая ноша сама собой упала с его плеч. Усталый путник решил отдохнуть, а когда проснулся, увидел солнечный луч и блистающий свет над Кохтышем. Святой обрадовался такому ясному и чудесному указанию и встал на молитву. Потом он срубил крест в освящение месту и принялся сооружать келью.

Многие годы население тех земель, куда приходил подвижник, жило своей обычной жизнью: люди били зверя, ловили рыбу, спасались от голода и холода, и эта привычная жизнь была им близка и понятна. Но вот

среди их заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться. Необычная история, в которой тесно переплелись чудо и реалии повседневной жизни, предшествовала основанию обители преподобного Адриана Пошехонского. В начале сентября 1540 года из Корнилиево-Комельского монастыря ушли два старца: диакон Адриан и монах Леонид. Вечером 13 сентября они остановились на реке Ветхе между селами Белым и Патроболским. Утром 14 сентября — в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — старцы совершили утреню с великим славословием («катавасию всю и прочее правило церковное»), после чего они поставили на большой дуб образ Пречистой Богородицы, а сами пошли искать место, подходящее для строительства келий, а заодно и дорогу в близлежащие села.

Тем временем вниз по реке крестьяне из села Белого ловили рыбу. Когда они поднялись выше, как раз к тому дубу, где преподобные оставили икону, то поймали две большие щуки, каких никто в этих местах ни прежде, ни потом не ловил. Пока все обсуждали такую невероятную удачу, один из рыбаков решил выйти на берег и тут на дереве увидел икону. От неожиданности рыбак стал громко звать «свою дружину». А те, думая, что их товарищ обнаружил зверя, быстро примчались к нему. Однако увидели не зверя, а икону. Удивлению рыбаков не было предела, все живо обсуждали, откуда в этих непроходимых лесах взялась икона. Некоторые предположили, что, видимо, кто-то из крестьян хочет занять это место. Тогда рыбак, обнаруживший икону, подойдя к дереву, стал хвалиться, что сейчас он ее снимет и унесет домой, но неведомая сила отшвырнула его на десять локтей от дерева. Товарищи же, обступив его, сказали: «Напрасно, брат, ты сотворил это непотребное дело». Он же словно онемел и не отвечал им. Тогда испуганные рыбаки, взяв его за руки и ноги, стали трясти, говоря: «Пробудись, брат!» Через некоторое время их дерзкий товарищ очнулся и рассказал, что ему явился неведомый старец и запретил брать образ Пречистой. Пораженные чудом рыбаки оставили под иконой пшеничный хлеб и большую рыбу, а сами ушли восвояси.

Вскоре возвратились старцы Леонид и Адриан. Леонид подошел к дубу первым и стал тихим голосом звать:

«Адриан, Адриан, подойди сюда и посмотри. Послала нам Богородица хлеб и рыбу!»¹ Старец Адриан, подойдя к дереву, воздел руки к небу и произнес молитвы, которые всегда читают при совершении монастырского чина Панагии, завершающего трапезу: «О велико имя Пречистой Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, помогай нам, нищим рабам!» Не переставая удивляться, преподобный Адриан обратился к Богородице с благодарственной молитвой: «Мы, рабы твои, искали в этом диком лесу “высочайшего места” (избранного свыше. — *Е. Р.*), где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав свой хлеб и рыбу».

После такой молитвы преподобные отцы воспели всю катавасию Богородице (ирмос, который поется в конце песен канона всеми сообща): «Преукрашенна Божиею славою» и приступили к чудесной трапезе, после чего начали строить кельи². Так возник монастырь преподобного Адриана Пошехонского. Преподобный, не знавший тогда всей предыстории появления хлеба и рыбы под иконой, был несомненно прав, оценив это как чудо. При всей своей бытовой реальности история носила явно чудесный характер. Белосельцы, как показала жизнь, имели довольно жестокий и корыстный характер (в конце концов они и убили преподобного Адриана, о чем речь пойдет ниже); должно было произойти что-то невероятное, чтобы они не только не похитили икону, а еще оставили под ней дары для незнакомых пришельцев.

Получив твердое уверение в особой Богоизбранности места, подвижники под страхом смерти не хотели его покидать и были готовы к любым трудностям. Местность, где стоял монастырь преподобного Евфросина Псковского, с практической стороны была крайне неудобна для строительства обители. Река, разделявшаяся здесь на рукава, с двух сторон теснила монастырь. Поэтому, когда умножилось число братии, строить новые кельи оказалось негде. Иноки часто говорили преподобному, чтобы он искал более подходящее место, но преподобный всякий раз отказывался. Когда теснота стала невыносимой, преподобный Евфросин предложил братии срыть холм, на котором стоял монастырь, и засыпать этой землей один из рукавов реки. «И было

Содержание

От автора

6

Глава 1. «Место сие зело красно...»

11

Глава 2. «Начальники» обителей

17

Глава 3. Монастырская система выживания
Пашня. — Рыбная ловля и морской промысел. —
Солеварение. — Отважные мореходы

35

Глава 4. Монастырский четырехугольник

66

Глава 5. Монастырские послушания

81

Глава 6. Игумен и братия

89

Глава 7. Новоначальные
Постриг. — Старец и ученик

116

Глава 8. Богослужение

Суточный круг богослужений. — Обедня. — Чин Панагии. —
Годовой круг богослужений. — Неподвижный круг
праздников. — Подвижный круг праздников. — Неподвижный
круг (продолжение). — Местные праздники. — Поминания. —
Келейное правило

138

Глава 9. Монастырская трапеза

Устав о благочинии. — О времени трапезы. — Интерьер
трапезной. — Любимые блюда. — Особое примечание. —
Хлебни, поварни, квасоварни. — Порядок трапезы. —
Посты и праздники

206

Глава 10. Иноческий быт

Кельи. — «Одежды и обущи». — О бане

248

Глава 11. Монастырь и мир
Сродники. — Помощь миру. — Испышания. —
О царском приходе в монастырь
260

Глава 12. На пороге вечности
Чин погребения. — Обретение мощей
284

Глава 13. Испытания
295

Примечания
306

Приложения
325

Библиография
332

Словарь устаревших и церковных терминов,
используемых в книге
338

Романенко Е. В.

Р 69 Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Елена Романенко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 2021. — 341[11] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-04419-7

Можно ли приоткрыть завесу тайны над жизнью средневековых русских монастырей? Казалось бы, этот удивительный мир, в котором самое настоящее, потрясающее воображение чудо становилось явлением обыденной, повседневной жизни, давно ушел в небытие, став достоянием истории. Но остались списки древних житий, уцелели стены и башни некогда разрушенных, но возрождающихся ныне обитателей, сохранились подлинные вещи, принадлежавшие святым отцам и насельникам многочисленных русских монастырей... В книге, предлагаемой вниманию читателей, предпринята первая в нашей исторической литературе попытка воссоздать подлинный мир средневекового русского монастыря во всем его богатстве и многообразии.

Новое издание книги существенно доработано автором.

УДК [947+957]

ББК 63.3(2)4

знак информационной
продукции **16+**

Романенко Елена Владимировна
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАСТЫРЯ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 26.08.2020. Подписано в печать 08.10.2020. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Garamond». Усл. печ. л.
18,48+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-04419-7